

Глава 11

VS "Монахини, Трепещущие пред Божественным Величием".

Round_03.

Часть 1

— Хнн!!

За ворчанием Бога Магии Отинус последовал взрыв тупой, сильной боли в правом плече Камидзё Томы.

Она вправляла вывих.

— Абах! Абабабабабабах!!

— Будь осторожнее. Вывихнешь его ещё пару раз, и это войдёт в привычку.

— Н-неужели ты думаешь, что кто-то будет делать это просто ради забавы?

Хотя они благополучно и сбежали из Ольборга, но тёплую одежду купить так и не сподобились. На заснеженной дороге было мало автомобилей, и им так и не представилась возможность поймать попутку, поэтому они снова шагали на своих двоих, а мороз пробирал их до самых косточек.

— Может, в следующем городе и найдутся тёплые пальто с попутками, но мы замёрзнем до смерти прежде, чем туда доберёмся! Оглянись — здесь же вообще ничего нет на километры вокруг!!

— Следующий город всего в десяти километрах к югу. Наши преследователи определённо станут поджидать нас на пути туда.

— Десять километров по заснеженной дороге при минусовой температуре? Как ты себе это

представляешь?!

— Во время войны армии на марше проходят по сто километров за день по снегу.

Но, несмотря на её храброе заявление, они сдались на полпути и вынуждены были укрыться в брошенной на обочине машине, где-то в пяти километрах до конечной точки их маршрута.

— Аргх! Это безнадёжно! Ощущение такое, будто мы уже все двадцать километров протопали!!

— Холод стал нашим злейшим врагом.

— Мы будто очутились в игре про постапокалипсис! Надеюсь, нам не придётся сжигать последние деньги, чтобы не околеть от холода?!

Камидзё чувствовал себя замороженным мандарином, который периодически отогревают под котлацу, а затем снова замораживают, продолжая делать это снова и снова.

Печка в брошенной машине не работала, а из щелей в проржавевшем корпусе тянуло холодом, но, оказавшись внутри, Камидзё всё равно чувствовал себя на седьмом небе от счастья. В ней хотя бы не было ветра, а тепло их тел постепенно согревало воздух.

Но в какой-то момент с Отинус, усевшейся на заднее сиденье, начало происходить что-то странное.

Её ведьминская шляпа начала слегка покачиваться вперёд-назад.

— Отинус?

— Нх.

Когда он её окликнул, шляпа на какой-то момент прекратила движение, но вскоре начала колыхаться снова.

— Отинус!

— Ладно, я признаю! С недавних пор я чувствую себя очень уставшей, — она потёрла не прикрытый повязкой глаз. — Но мы должны считать, что впредь нам больше не представится возможности для хорошего ночного сна. Число наших преследователей здесь, в Дании, скорее всего, со временем только увеличится, и их информация о нашем местоположении тоже станет более точной. Мы обязаны использовать любые доступные короткие перерывы для отдыха, пусть даже если это всего лишь пять или десять минут.

— Просто чтобы убедиться: ты в порядке?

— Я пока ещё не умираю или что-то в этом роде. Но отсутствие отдыха явно не идёт мне на пользу.

Её ответ не понравился Камидзё, но спорить он не стал — главное, что проклятие феи ещё не нанесло критического урона её телу.

Спустя несколько минут после того, как он прекратил задавать вопросы и начал всматриваться в пейзаж за грязным окном, интервалы в её дыхании стали более регулярными.

Она уснула.

Глядя на постепенно запотевающее стекло, указывающее на то, что температура внутри машины медленно поднимается, он вздохнул с облегчением. А затем услышал, как что-то вдруг упало к нему на колени.

Камидзё глянул вниз и увидел шляпу Отинус.

Он оглянулся на заднее сиденье и — даже принимая во внимание довольно импозантную повязку на глазу — увидел на нём прекрасную девушку. Её светлые волосы и белая кожа усиливали впечатление, но ему подумалось, что ещё совершеннее она бы выглядела дома, обнимая какую-нибудь большую плюшевую игрушку.

Возможно, ему впервые удалось разглядеть её настоящую человеческую сущность.

Людей обычно связывает целое множество вещей: место рождения, биография, достижения, преступления, официальная позиция и тому подобное. Но отбрось всё это прочь — и увидишь, что все люди чем-то похожи друг на друга. И даже бог магии не была исключением.

(...)

Камидзё молча порадовался тому, что оказался в состоянии занять её сторону.

Он порадовался тому, что не поддался ничтожному гневу или злости и не присоединился к тем, кто отверг её.

С робкой улыбкой на лице он слегка помял лежащую на коленях шляпу.

Но затем медленно поднял голову.

Сквозь грязное лобовое стекло и падающий снег он увидел нечто совершенно неуместное. Две красные точки, казалось, отвергали белоснежный цвет этого серебряного мира. Выражение его лица тихо изменилось, когда он понял, что видит перед собой особые одежды монахинь.

Будить Отинус он не стал.

Он просто надел шляпу обратно ей на голову и осторожно распахнул дверь брошенной машины.

Он пообещал ей, что будет оставаться на её стороне, что бы ни случилось — и вот, пришло время очередной раз подтвердить свои слова действием.

Часть 2

Камидзё шёл вперёд, загребая ногами белый снег.

На этот раз его противником стала группа из двух человек. Он смог разглядеть их за четырёхста-пятьсот метров только потому, что те носили ярко-красные одежды. Ему уже доводилось видеть прежде подобные наряды — чего не скажешь об этой парочке. Впрочем, когда он подошёл поближе, то уловил в их поведении нечто смутно знакомое.

— Саша, у тебя очень странные вкусы. Сейчас семь градусов ниже нуля, так почему же ты надела такую облегающую и стесняющую движения одежду? Неужели ты из того сорта людей, кто носит шорты круглый год?

— Мой ответ: я бы надела обычное пальто, если бы не твои нежелательные подсказки. Дополнительное объяснение: я также избежала бы необходимости тратить столь много магической силы на жизнеобеспечение.

— Фва-хах-хах!! Пальто прямо поверх всего этого? Если ты думаешь, что так станешь выглядеть более прилично, то сильно ошибаешься! Так ты только перейдёшь на совершенно иной уровень неприличности!! Но я не ожидала меньшего от моей Саш-двех!?

Приближаясь к нему, они беззаботно болтали на каком-то иностранном языке. Но их легкомысленное поведение ни на секунду не ввело Камидзё в заблуждение.

Одной из этой пары была Саша Кройцева.

Камидзё косвенно встречал её когда-то в прошлом, но в действительности оказалось, что то был Архангел Гавриил, воспользовавшийся её внешностью. Технически они не были знакомы, и

он не мог положиться на ту встречу, чтобы определить, что за магию она использует.

Другую он вообще видел впервые. Глядя на её одеяния одного с Сашей цвета, он мог только предполагать, что она тоже принадлежит к Русской Православной церкви. Но это было всё, что он мог о ней сказать.

Русская Православная церковь являлась одной из трёх великих христианских конфессий наряду с Англиканской и Римско-католической церквями.

Римско-католическая церковь проявила свою доброту, но этот случай явно отличался. Ведь он не был с ними знаком. И, как одна из трёх конфессий, они могли легко использовать какое-нибудь сверхсекретное заклинание такого же уровня, как и то, что он видел в Ольборге.

С трудом продираясь сквозь снежные заносы, Камидзё прокричал:

— Вы понимаете японский?

— У меня нет никаких оснований отвечать тебе, но да, — ответила старшая женщина и указала сначала на себя, а затем на девушку рядом. — Я Василиса, а это Саша. Впрочем, тебе совершенно не обязательно запоминать наши имена.

Она улыбнулась, и эти двое остановились.

Они уже знали, что им следует делать. Не было нужды в дешёвых уговорах. Слова женщины и её улыбка говорили о том, что она полностью готова к битве.

...Этот мир ты хотел увидеть?

Отинус снова и снова задавала этот вопрос в том бесконечном аду.

Этим вопросом она давила на него, но в то же время оказывала давление и на себя.

(Я уже знаю, что этот мир не идеален. По-настоящему идеальный мир я видел своими собственными глазами, так что понимаю это слишком хорошо.)

Камидзё Тома дал ответ в глубине души.

(Но, даже если он не совершенен или имеет изъяны, я всё ещё хочу радоваться тому, что родился в нём. Я хочу гордиться этим!!)

Он остановился неподалёку от этой парочки.

— Существует ли какой-либо способ избежать сражения?

— Попытка выжать у нас слезинки трогательной историей не сработает, так что не заморачивайся. Находишься мы в инквизиторских казематах — дело другое, но здесь для этого явно неподходящее место.

— Кем вы меня считаете?

— Мой ответ: в прошлом ты часто взаимодействовал с GREMLIN, а в Саргассо вступил в контакт непосредственно с Отинус. Оказалось ли так, что ваши интересы совпали, или же она использовала какое-то заклинание внушения — расследование обстоятельств до сих пор не окончено.

— Ясно.

Этот ответ, казалось, озадачил монахинь.

Их удивление, скорее всего, было вызвано отсутствием у него желания оспорить что-либо из сказанного, но дело было не совсем в этом.

— Я просто подумал: как это должно быть тяжело, героически стоять на стороне правосудия, — продолжил он. — Теперь, посмотрев на всё со стороны, я по-новому взглянул на вещи. В конце концов, это ведь не имеет никакого смысла. Очевидно, что у вас есть определённые сомнения относительно Бога Магии Отинус и моих действий, но разве одних сомнений достаточно? Что произошло с Саргассо? Что стало с копьём? Вы не можете объяснить, почему она бросила всё и сбежала в Данию. И ведь это далеко не всё. Она ведь ещё и оставила всех своих надёжных соратников из GREMLIN позади, перенесла сюда одну-единственную пешку, чьи совпадающие интересы или взгляды могут измениться в любое время.

— Для нас это всё не так уж и важно.

— Ха, очень уж удобная позиция, — он говорил, будто бросая ей вызов. — Вам спокойнее думать, что ваш противник — абсолютное зло, и дело с концом. Так вы можете укрыться за знамёнами справедливости и оправдать любое насилие. —

Он ещё плотнее сжал кулак. — Ведь даже малейшая частичка доброты в Отинус определённо стала бы проблемой для «стражей справедливости», собирающихся причинить ей боль, не так ли?

Он говорил это не Василисе и не Саше. Он объявлял войну куда большему количеству «шестерёнок», двигающих целый мир за их спинами.

— Жалкое зрелище! Конечно, я не собираюсь оправдывать то, что сделала Отинус, но и то, что

делаете сейчас вы, не сильно-то от неё отличается!

Глухой звук взрывом разнёсся по серебряному миру.

Камидзё Тома и Саша Кройцева начали действовать одновременно. Они рванули прямо с места друг навстречу другу, Саша махнула вниз своей L-образной монтировкой, а Камидзё в попытке её перехватить с размаху схватился за ручку инструмента.

Горячая боль тут же взрывом наполнила всю его ладонь, а меж большим и указательным пальцами закапала кровь.

Тем не менее, монтировка рассыпалась, словно была сделана из мокрого песка. Возможно, в ней была заключена какая-то магия.

Но не на этом было сосредоточено внимание Камидзё. Важно было не упустить момент и нанести решающий удар, пока верная атака врага сведена на нет.

Он даже на какое-то время задержал дыхание, пытаясь сбить противницу с толку и помешать просчитать верный момент времени.

— ...!!

Но прямо перед самым моментом удара его опорная нога соскользнула в сторону. Саша поняла, что не успевает уклониться, поэтому решила сбить его с ног. Но к моменту, как он это осознал, он уже эффектно падал в снег.

— На-ка вот, получи и распишись, — Василиса небрежно кинула что-то размером с алюминиевую банку ему вслед.

(Что? Это граната?!)

Предположение казалось диким, но, учитывая ситуацию, в нём не было ничего невозможного. Поэтому Камидзё лихорадочно перекатился в сторону, стараясь оказаться как можно дальше от этого, чем бы там оно ни было.

Но это оказалась не граната.

Это была чрезвычайно профессиональная на вид рация, скорее всего, принадлежащая российским военным.

— Кшшш... Ты меня слышишь, Камидзё Тома?

(...?)

Из рации донёлся голос, и говорил он по-японски. Говоривший, скорее всего, был моложе Камидзё, но точно определить, принадлежит ли это высокое сопрано мальчику или девочке, никак не получалось.

Естественно, у него не было времени, чтобы тщательно вслушиваться. Саша уже сняла с висящего на талии пояса грубую пилу и плоскогубцы и кинулась на него, так что у него не оставалось выбора, кроме как подбросить в воздух ударом ноги снег, чтобы ослепить её.

— Мы создали уникальное заклинание, чтобы использовать его против бога магии, — продолжал голос. — Оно не предназначено для использования против людей, но должно быть достаточно эффективно против тебя. Ты не передумал бросать нам вызов, даже узнав это?

— Чёрта с два это меня остановит!! Я никогда и не думал, что одна из трёх величайших конфессий отправит всего лишь двух человек! Мир не настолько доброе место!!

У него не было времени, чтобы взглянуть и удостовериться в том, что Саша отшатнулась, поэтому он поспешно вскочил на ноги и сразу же отпрыгнул назад.

— Старуха-людоедка из избушки на курьей-ножке...

Женский голос чарующим звоном медленно просачивался в его уши. Он не знал, что именно она говорит, так как говорила она по-русски, но одного лишь тона её голоса было достаточно, чтобы по его позвоночнику пробежала дрожь.

Василиса благоразумно держалась на безопасном расстоянии от ожесточённых атак Саши.

— Прошу тебя, даруй мне череп-фонарь. Даруй мне череп-фонарь, дабы сжечь мою злую мачеху и сестру!

Кольцо ревущего пламени взметнулось вокруг Василисы.

— Вот дерьмо!!

Камидзё стащил свой пиджак и обернул вокруг своей левой руки.

Мгновение спустя багровое пламя, призванное Василисой, накрыло всё вокруг.

Буйствующая стена жара быстро приближалась, в мгновение ока испаряя толстый снежный покров. Камидзё никак не мог избежать встречи с ней, поэтому попытаться рассеять пламя

правой рукой оставалось единственным его шансом.

Он крутанул телом и поднял правую руку, в то время как Саша приближалась к нему с другой стороны, пытаясь нанести удар пилой по горизонтали на уровне его груди.

Но Камидзё обернул руку пиджаком не для того, чтобы иметь дело с пламенем Василисы.

Он знал, что если использует правую руку против одной атаки, то от другой ему придётся защищаться левой.

— !!

Зубчатая пила вонзилась в пиджак, но зубья так и не достигли кожи.

(И раз уж я смог уничтожить ту монтировку, это должно сработать ещё раз!!)

Он махнул левой рукой так сильно, как только мог, чтобы отбросить пиджак в сторону, но ветер подхватил лишь несколько длинных узких обрывков ткани.

— ...

На него в упор смотрели глаза, скрытые за белокурой чёлкой.

Теперь, когда Камидзё рассеял пламя Василисы, он мог свободно использовать правую руку.

— Ясно. Ты преодолел множество опасностей, смог окончить Третью Мировую Войну и даже находился в самом центре конфликта с GREMLIN. И теперь ты возомнил, что у тебя есть шанс сделать то, чего другие не могут, — снова раздался голос из лежавшего в снегу радио, но Камидзё не удостоил его вниманием.

Его правый кулак ударил большие плоскогубцы, и Разрушитель Иллюзий не оставил от духовного предмета ни следа.

(Я смогу это сделать!)

Он вновь крепко сжал кулак.

(Надо просто начать с кого-то одного. Если я сконцентрируюсь на одной из них и выбью её, угроза атаки с нескольких направлений исчезнет. Этот противник может использовать «только» магию. Всё, что мне нужно сделать — это вырваться в зону, где я смогу достать их кулаком! Я могу победить этого врага!!)

Это произошло спустя мгновение.

— Но то, что ты такой особенный, вовсе не означает, что тебе дозволено попирать желания всех остальных. Не слишком ли это высокомерно с твоей стороны?

Ноги Камидзё внезапно подкосились.

Часть 3

Сверху не появилось никакое сильное давление, и никакие невидимые руки не тянули его к земле.

Всё было совершенно наоборот.

Просто в какой-то момент силы его оставили. Не было ни яда, ни внезапного онемения конечностей — казалось, словно верхний предел силы его тела намеренно и резко был снижен до минимума.

В ушах зазвенело, и он упал на одно колено, чувствуя себя так, словно у него случился внезапный приступ анемии.

— Что...? Это... дальнобойная атака?

— Одно из наших анти-божественных средств. Я ведь предупреждал, что оно на тебя подействует.

(Это что, какая-то разновидность психологической атаки или манипуляции с памятью?)

Если сверхъестественная сила принимает форму меча или пули, он может легко с ней расправиться, просто уничтожив угрозу на подходе правой рукой. Но та разновидность, которая заглядывает в его сердце и стимулирует эмоции — дело совершенно иного характера.

Атаку без промежуточного звена нельзя свести на нет даже его правой рукой, пока та не нанесёт удар. Он не может справиться с чем-то невидимым или неприкасаемым.

(Но я ведь могу просто коснуться поражённой части своего тела! Это не 100% гарантия, но может сработать!!)

Всё ещё скорчившись на снегу, он поспешно прикоснулся к ногам и верхней части тела. Как только его ладонь достигла точки прямо над сердцем, он почувствовал, словно где-то внутри лопнул толстый резиновый жгут, и верхняя часть его тела резко освободилась.

Но...

— Это секретное заклинание Русской Православной церкви, для подготовки которого потребовались средства национального уровня. Не слишком ли высокомерно полагать, что ты можешь справиться с ним только лишь потому, что у тебя есть особая правая рука?

Как только Камидзё попытался встать, силы вновь покинули его.

Сколько бы он ни пытался исправить положение, он даже не мог напрячь мышцы. И его невероятно раздражало то, что его тело не слушается команд.

— Христианство и многие другие религии пошли на собственные компромиссы между разными, отличными друг от друга традициями и легендами. Взять, к примеру, синто — оно переняло буддизм и индуистских богов, создав то, что теперь известно как синто-буддийский синкретизм. Христианские источники изменили записи и заставили кельтскую, скандинавскую и другие религии потерять свою исходную форму. В христианстве мы видим как богов из других религий, предстающих в виде демонов, так и их героев, предстающих в виде наших святых покровителей, а также множество других вещей.

Камидзё вспомнил о концепции, лежащей за проклятием феи, но ничего не сказал. Так бы он только предоставил противнику намёк, способный привести к созданию ещё более мерзкого заклинания. И тем, кто пострадал бы в результате, была бы Отинус.

— Но мы немного изменили подобный метод компромисса, — продолжил холодный голос. — Это заклинание добавляет в нашу систему чужих богов, а затем судит их в соответствии с нашими правилами. Похоть, гордыня, лень, чревоугодие, зависть, алчность и гнев. Давай начнём с обычных Семи Смертных Грехов. Сила, обретенная неподобающим способом, недопустима, и за каждый грех приходится платить 1/7 этой силы. И в момент, когда все семь будут собраны, ты потеряешь даже те силы, что требуются твоему телу для сокращения мышц сердца. Советую тебе быть очень осторожным.

Скрытые снегопадом, к нему медленно приближались две фигуры.

Если он потерпит поражение, целью этого заклинания станет Отинус.

Как они уже сказали, их не волнуют его любые возможные оправдания. Они просто-напросто разорвут девушку на части, основываясь на рассуждении о том, что «победитель всегда прав». Они даже не попытаются узнать, кем на самом деле она была, а впоследствии отпразднуют свою победу каким-нибудь ярким парадом.

Кулак Камидзё закрипел, а голос из радио тем временем продолжал:

— Неужели, идя к своей цели, тебя совершенно не заботит то, что по пути ты постоянно бьёшь девушек по лицу? Сколь много в тебе ужасающего гнева.

Ещё больше силы покинуло его тело.

Если то, что он слышал, было правдой, то у него оставалось 5/7 от обычного количества его силы.

— Не... смейся меня. Кто не разозлится, когда его жизнь и жизни других людей висят на волоске?

— Ну и что же ты, в таком случае, ничего не предпринимаешь? Сколько же в тебе лени.

Он почувствовал головокружение.

Камидзё стоял на коленях в снегу и не мог подняться. Он собирал последние крохи силы, и всё равно ему было трудно поддерживать себя.

А его противники не сдерживались.

Саша Кройцева взмахнула молотком в горизонтальном ударе, словно описывая круг. Попади такой удар в лицо, и он мгновенно раздробит скулу. В сложившейся ситуации Камидзё не мог сосредоточиться на всём сразу, поэтому он просто вскинул руку, защищаясь.

После глухого стука и очередного приступа острой боли он завалился набок в снег.

— Ну и зачем же заходить так далеко в попытках помочь Богу Магии Отинус? — продолжал голос.

Камидзё пожалел, что с самого начала не разбил рацию, лежащую под ногами, но теперь момент был упущен.

— Тобой овладела алчность, и ты хочешь получить её силу себе? Или, быть может, тобой просто двигает похоть? Так или иначе, тебя одолевают мирские страсти.

2/7.

Камидзё трудно было даже немного приподняться, чтобы отползти, и он чувствовал, как что-то сочится у него изо рта. Лишь спустя несколько секунд он осознал, что это слюни — у него уже не оставалось достаточно сил в челюсти.

Если его правая рука коснётся сердца, он может временно освободиться от этих оков, но его затуманенное сознание делало даже такую простую задачу невыполнимой.

Расстояние от кончиков пальцев до сердца казалось слишком далёким.

— Итак, остаётся чревоугодие и зависть.

Монахини вновь начали медленно приближаться к нему, с трудом разгребая ногами нападавший снег.

— Но я уверен, ты уже всё понял. Ты всегда стремился стоять на стороне справедливости. А ведь эта обязанность возложена на нас, крупнейшие мировые конфессии. И почему же ты возомнил, что сможешь сделать всё сам? Ответ прост: ты нам завидовал. И это — несомненный грех.

Чувства постепенно оставляли кончики его пальцев.

Конечно, его правая рука могла устранить последствия невидимой психологической атаки (с некоторыми исключениями), но если это атака, которая может его мгновенно убить, всё будет кончено в тот же момент.

1/7.

Ещё один, и это будет шах и мат. Его мускулы утратят последние остатки силы, и сердце остановится.

— Осталось только чревоугодие.

В затуманенное сознание Камидзё настырно скреблась какая-то мысль.

Он вспомнил каждый из грехов, в которых обвинил его голос из рации.

— Чревоугодие обычно используется в качестве обозначение принятия пищи в количестве большем, чем необходимо, но технически имеет более широкую трактовку. Грех обжорства запрещает чрезмерную еду, питьё или пьянство.

Диафрагма, заставляющая работать его лёгкие, начала двигаться с перерывами, и недостаток кислорода не давал его мозгу функционировать должным образом.

Его сознание то становилось яснее, то исчезало, а голос тем временем продолжал:

— И разве не могли бы мы охарактеризовать твоё текущее состояние как «опьянение»? И снова, это грех.

Часть 4

Теперь, когда все семь были собраны, парень лишился последних остатков сил.

Саша Кройцева подошла к Камидзё Томе и ткнула пальцем в его голову, но он никак не отреагировал. Падающий снег пытался заслонить его кожу белой пеленой.

— Саша, что ты там делаешь с этим мертвяком?

— Мой ответ: будет проблематично, если он просто притворяется. Я получала доклады, в которых говорилось, что скандинавский бог может использовать трупы. Нельзя терять бдительность только потому, что он мёртв.

— Значит, ты собираешься забрать его с собой? Мне кажется, на таможне из-за этого могут возникнуть проблемы.

— Дополнительное объяснение: я хочу устранить любую возможность того, что труп начнёт двигаться после перевозки в Россию. Так что... — Саша ухватила за рукоятку пилы и поднесла инструмент к шее парня. — Я полностью уничтожу его тело, чтобы оно больше никогда не могло быть использовано. На этом всё и закончится.

Она не колебалась ни секунды. Настолько великую угрозу она видела в Камидзё Томе... нет, в Боге Магии Отинус.

Но пила остановилась, так и не достигнув шеи парня.

Повторим: у Саши и у Василисы не было причин проявлять в этой ситуации свою доброту.

— Нет...

Таким образом, дело было вовсе не в их милосердии.

— Это ещё не конец.

С этими словами Камидзё разбил правым кулаком пилу Саши на мелкие осколки.

Он попытался встать, своими неловкими движениями напоминая сломанную заводную куклу, и всем видом указывая на то, что совершенно не представляет никакой угрозы в чисто физическом сражении.

Семь Смертных Грехов должны были насухо высушить тело Камидзё и остановить его сердце.

Было неясно, как он смог избежать этой ситуации, поэтому Саша попыталась быстро закончить начатое.

Но Василиса вдруг быстро вытянула руки и остановила её, услышав, как Камидзё прокричал:

— Заставлять людей замолчать с помощью насилия и не слышать их — это так ваш Бог велит тебе поступать?! Если так, то это ты невероятно высокомерен!!

— Плохо!!

Крик Василисы не был ответом на слова Камидзё.

Она отреагировала так, поняв, кому его слова адресованы.

(Затыкать ему рот силой — это гордыня. Если наш парнишка это понимает, то своим вмешательством мы можем всё только испортить!! Нам нельзя вмешиваться!!)

— Вы облажались, мистер русская важная особа. Вместо того чтобы притягивать за уши последний смертный грех, эти двое должны были закончить работу с уже имеющимися шестью. Это было роковой ошибкой.

— О чём ты говоришь?

— Попытка обвинить меня в чревоугодии была слишком нелепой. Пусть даже этот грех относится к питью и пьянству, это касается только алкоголя. Обвинять человека, наевшегося перебродившего овощного супа из объедков, в пьянстве — так же нелепо, как пытаться остановить тигра ширмой! — сказал Камидзё. — И потому, что ты сам не был уверен в этом

грехе, последний и не сработал. Чревоугодие не сработало, и силы начали возвращаться ко мне!

Медленно, но верно сила собиралась в его ногах, и он снова смог подняться со снега.

— Эти ваши Семь Смертных Грехов — не заклинание, которое активируется автоматически и наказывает за любые грехи на поле боя.

Он по очереди вспомнил каждое из обвинений.

Гнев? Возможно. Поскольку ему было отказано в попытке решить вопрос миром, у него не оставалось выбора, кроме как использовать силу. Конечно, какой-то гнев внутри себя он в этот момент чувствовал.

Гордыня? Возможно. Он решил, что может спасти Отинус, и чувствовал, что только он один стоит на её стороне. Измени он свою точку зрения хотя бы чуть-чуть, и это могло бы выглядеть так, словно он упивается чувством превосходства над другими.

Лень? Возможно. Он заявил, что спасёт Отинус, но не смог придумать ни одного конкретного способа это сделать, и сам был спасён лишь её собственными идеями. Неудивительно, что кто-то мог посчитать его ленивым.

Зависть? Возможно. Наблюдая за тем, как люди преследуют одну-единственную девушку с помощью силы, способной привести в движение народы или даже целый мир, мог ли он действительно сказать, что у него нет тёмных чувств о том, что он мог бы сделать всё другим способом, будь у него столь же много власти?

Похоть? Возможно. Он говорил, что просто хочет спасти девушку, которой не к кому обратиться, но мог ли он от чистого сердца сказать наверняка, что не было ни малейшей частички скрытого мотива, незаметно подмешанного в это желание?

Он столкнулся со своими позорными сожалениями и желаниями в том бесконечном аду, и он больше не мог отрицать безобразные чувства и стремления, скрытые в самой глубине его души.

Но...

Чревоугодие? Можно ли обвинить его в чём-то подобном?

И, что самое главное...

Алчность? Серьёзно?

Его мотив — прибрать к своим рукам огромную силу Отинус?

Даже притом, что в данный момент она — нежное и слабое существо, рискующее вскоре прекратить дышать, если оставить её одну?

— Твоё заклинание основывается на суждениях, сделанных тобой, пока ты наблюдаешь за полем боя извне! Ты придираешься к другим религиям и лишаешь их силы, и не имеет значения, прав ты или нет. Это заклинание берёт твои личные претензии и обращает их в настоящие атаки!! Это действительно ужасно, но теперь, когда я знаю, как это работает, я могу использовать это в свою пользу!!

— Использовать в свою пользу?! Ты хочешь сказать, что твои личные желания могут превзойти усилия огромной организации? Ты ставишь свою собственную мораль намного выше, чем мораль всех остальных?! Да ты само воплощение высокомерия!!

— Что ж, может, оно и так, — с готовностью признал Камидзё, ни на секунду не отказываясь от борьбы. — Я не идеальный святой или что-то вроде того. И меня устроит, если после должного суда и следствия Отинус отбудет долгий срок за свои преступления, а затем вновь мне улыбнется, когда всё закончится. Всё это не имеет ничего общего с добром или злом. Это — мои личные желания. ...Но кое в чём ты очень сильно ошибся.

Сила постепенно возвращалась в его колени.

— То, что я обычный парень, не означает, что я не могу бросить вызов всему миру! Есть то, с чем я не согласен, есть то, чего я никогда не приму, и есть то, от чего я не откажусь! И если ты думаешь, что можешь запретить мне всё это, попеняв мнением большинства, то ты чертовски более высокомерен, чем я, товарищ русский!

С этого момента он перешёл в контратаку.

— Неужели тебя не волнует, какой хаос из-за всего этого ты посеешь во всём мире?! — спросил голос. — Защита Бога Магии Отинус и бегство с ней заодно — уже само по себе достаточный грех!!

— И которому из семи он соответствует?! Нет, это не имеет значения! Ты хочешь поговорить о хаосе? Тогда начни с себя, товарищ русский!

— Что?

— Включи голову! Отинус действительно считают злодейкой. Она стоит в центре хаоса, охватившего мир. Но если она будет убита здесь, то вся правда о GREMLIN никогда не увидит мир. Почему это всё произошло? Что стало причиной всего этого? Кто во всём этом виноват? Если вы убьёте её, не получив подробных объяснений, то неужели вы всерьёз верите, что люди

молча примут это?!

— Даже в этом случае подавляющее большинство предпочтёт увидеть её мёртвой, чем позволить ей сбежать!! Когда речь заходит о вопросах спокойствия целого мира, чувства людей можно проигнорировать!!

— Ты заблуждаешься, товарищ русский. Ты ведь сам сказал: сеять хаос — грех! Может быть, Отинус и последний босс, но действительно ли после её убийства наступит мир во всём мире?

— Конечно, наступит!!

— Нет, ничего подобного. О, и кстати, неужели это только что был гнев? — несмешливо поинтересовался Камидзё. — И кто поверит тебе, если ты скажешь, что Отинус мертва? Остатки GREMLIN никогда этого не признают! И что тогда подумает остальная часть мира? Что будет, если ты вдруг заявишь, что некто столь опасный мёртв, но откажешься раскрывать подробности? Ты действительно веришь, что все остальные просто молча это проглотят?! Даже если она умрёт, страх людей перед ней не исчезнет!! Они станут строить домыслы о том, что она где-то прячется, или что кто-то является её реинкарнацией, или придумают ещё что-нибудь столь же безумное. Если не сделать всё как полагается, то никто и никогда не примет правду! А поступая так, как поступаешь сейчас ты, ты рискуешь начать целый век мирового хаоса, товарищ русский!!

— Хочешь сказать, она превратится в своего рода легенду?

— Кажется вздором, не правда ли? Но, скорее всего, именно это и произойдёт. Её угроза захватила весь мир, но многие люди даже не знают, мужчина это или женщина! Сомневаюсь, что новость об устранении столь таинственного существа будет чувствоваться реальной. Даже если вы покажете фотографии трупа или выставите его в музее, люди всё равно начнут судачить о том, что это невинный или двойник. Реальность ситуации будет вмиг уничтожена, и невидимый страх вернётся.

— С этим страхом возможно справиться — мы живём в век информации! И это не причина прощать её за то, что она сделала!!

— Возможно, но сколько людей умрёт в процессе? Сколько из тех, кто мог бы выжить, если бы ты позволил Отинус сдаться, умрут? Можешь ли ты действительно назвать их всех «неизбежными» жертвами? И если ты не готов прилагать усилия, чтобы сделать работу как можно лучше, то не называется ли это ленью?

Это был третий грех.

— ...!!

— И ещё одно. Почему Русская Православная церковь так отчаянно хочет убить её? Не потому ли, что тебе нужна вся слава за единоличную победу над ней? Разве правильно так сильно жаждать славы и быть готовым пожертвовать людьми, которых ты никогда даже не встречал? Некоторые могут назвать это алчностью.

Камидзё поднёс рацию ко рту, указывая на четвёртый грех.

— Или это всё-таки зависть? Для России не было ничего хорошего в Третей Мировой Войне, а Америка начала демонстрировать свою силу с того момента, как GREMLIN вышли на первый план. И это дало тебе ещё одну причину желать единоличной победы. Можешь ли ты действительно признать, что за этим желанием не крылось нечто большее?

Пятый грех.

— Ах, да. Где ты сейчас? В русском дворце? Или в здании штаб-квартиры ООН? Где бы ты ни был, сейчас ты, должно быть, расслабляешься в тёплой комнате с крышей над головой. Наслаждаешься чаем или кофе, пока люди рискуют своими жизнями в бою. Знаешь, это вполне можно назвать чревоугодием.

Шестой.

— Почему? — с нажимом ещё раз спросил голос, который мог принадлежать мальчику или девочке. — Зачем ты заходишь так далеко ради неё? У тебя не должно быть причин вести себя так.

— Может быть. По крайней мере, их не было, пока я не ступил на Саргассо. Тогда я невинно полагал, что всё вернётся в норму, если Отинус будет побеждена, и я даже сам был готов первым нанести ей удар.

— Тогда почему ты-...?!

— Но теперь всё изменилось, — Камидзё оборвал голос, прежде чем тот успел закончить. — У меня появилась причина. Скорее всего, ты бы мне не поверил, если бы я всё подробно объяснил, но я делаю это не просто так. Однако же ты атаковал меня первым, не желая выслушать. Ты стал одержим идеей того, что легче просто убить. Ты утратил свою человечность.

Он выплюнул слова своего приговора.

— Сам ты никогда не встречался с Отинус и никогда не говорил с ней, так что это не то, что ты сможешь понять. Ты отбросил эту возможность и решил, что будет слишком хлопотно вставать перед ней в самом, самом конце. Ты решил, что легче её просто убить, а не терпеливо докапываться до сути! Это был твой самый главный грех, лежащий в основе всех остальных.

Часть 5

Рация умолкла.

Мускулы Камидзё Томы вновь наполнились силой, так что, похоже, эта «битва» была окончена.

— Кстати, я так и не смог придумать, как обвинить тебя в похоти. Думаю, остановимся на шести.

Он откинул рацию в снег, однако это ещё был не конец.

Саша Кройцева и Василиса, боевая команда из двух человек, всё ещё была здесь.

— Ну? Будете продолжать без всякой поддержки?

— Это то, над чем стоит задуматься, но я думаю, скажем, на этот раз мы квиты, — ответила Василиса. — Конечно, мы могли бы просто прикончить тебя простой физической силой, но это, вполне возможно, приведёт нашего парнишку в ловушку Семи Смертных Грехов. Чёрт! Может, нам стоит поучиться у католиков и делать предохранители для этих мощных штуковин?

Она энергично подняла руки и помахала ими, но Камидзё был уверен, что улыбка не пропала бы с её лица, даже если бы она действительно кого-нибудь прикончила. Просто жуть.

— Ах, да! Нам нельзя прикасаться к тебе, потому что заклинание всё ещё действует, но я дам тебе один совет.

— ?

— Речь идёт о масштабе нашего заклинания. Во-первых, оно включает любого верующего Русской Православной церкви — в определённых пределах. Во-вторых, оно включает любого, кого Патриарх считает врагом. Кроме того, нужны имя и какой-то способ ощущать человека с помощью одного из своих пяти чувств. Любой такой человек подпадает под полную мощь заклинания Семи Смертных грехов.

— К чему ты это говоришь?

— Слепое пятно. — Улыбка ни на секунду не пропадала с лица Василисы, пока она говорила. — Другими словами, если тебя убьёт тот, кто не является верующим Русской Православной церкви, нашему парнишке ничто не будет угрожать.

К моменту, когда он уловил смысл её слов, было уже слишком поздно.

Сбоку от головы донёлся глухой звук, и сознание Камидзё Томи тут же покинуло его.

<http://tl.rulate.ru/book/25368/1080393>